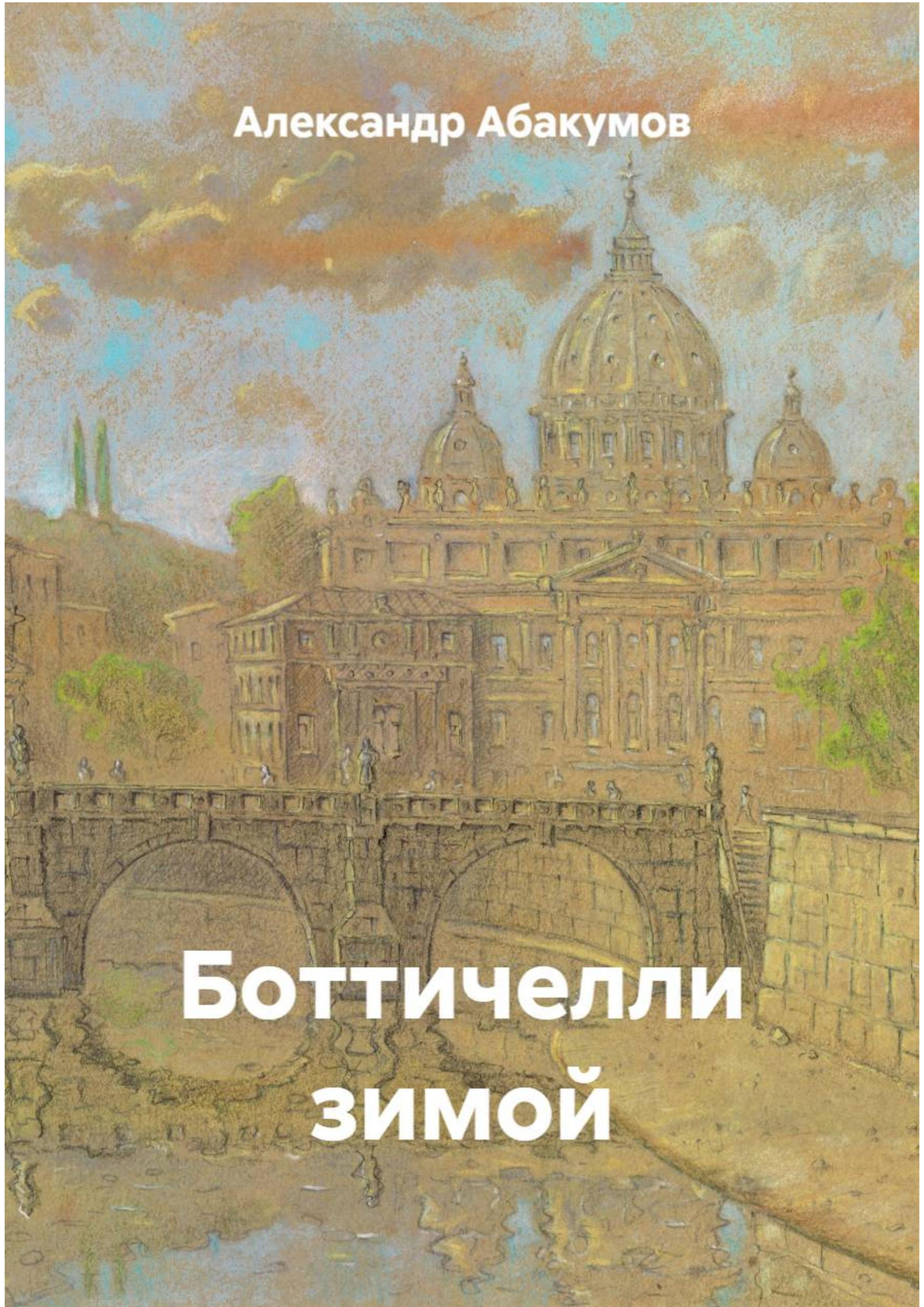

Александр Абакумов

**Боттичелли
зимой**

Александр Абакумов

Боттичелли зимой

«Автор»

2026

Абакумов А. Н.

Боттичелли зимой / А. Н. Абакумов — «Автор», 2026

В 1498 году во Флоренции художник Сандро Боттичелли бросил в костёр на площади свои картины. Трудный выбор в трудное время.

© Абакумов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Боттичелли зимой

Глава

1.

– Светает... Воистину, горящая свеча – зрелище печальное, особенно если наблюдать за ним долго и не отрываясь. Ты не пробовал? Больше скажу, немного найдётся людей, кто на такое способен. Я к ним, конечно, не отношусь. Напротив, когда смотрю на трепетный огонёк, медленно сползающий вниз, посещает меня неприятное чувство неотвратимости финала и собственного бессилия. И тогда приходится звать кого-нибудь, чтобы принесли ещё свечей, и перевожу я взгляд на эту, если можно так сказать, молодёжь, что своими восковыми, стройными телами заслоняет собой оплывшие огарки в подсвечнике. Ты, мой друг, скажешь, что всё это вздор, что не стоит обращать внимание на такие мелочи. Я же отвечу, что только свет возвращает меня к жизни, когда забывается всё тёмное и ночное...

Так говорил засидевшемуся у него в гостях приятелю уже знаменитый в ту пору Алессандро Боттичелли, художник, чьими картинами украшали свои дворцы Медичи – владыки Флоренции, а глядя на них, и прочие небедные господа. Возможность предложить своё искусство местным властителям, так ценившим всё новое и изящное, привлекала сюда множество мастеров, ищущих заработка и покровительства. Поэтому никто не удивлялся, что по красоте и мощи, по значимости своей и притягательности Флоренция долгое время соперничала с Римом. Но только не теперь...

– Вот, то-то и оно, что «не теперь»... – словно услышав мысли художника, отвечал ему, озираясь и придвигая к себе очередной стакан, дородный и пожилой синьор Лоренцо Дзаппо – известный в городе аптекарь и один из самых влиятельных членов своего цеха:

– Что-то изменилось в городе, буквально, за несколько недель! Обычно, выходя из собора и раздавая мелочь нищим, чувствовал я себя, пусть небольшою, но величиной. Платье моё, ты видишь, не роскошное, но со вкусом пошитое, уж я-то знаю в этом толк! И кланялись мне люди в приветствии, и я склонял голову в ответ, как и заведено здесь было испокон веку. Все знают чем я зарабатываю, никто не может меня ни в чём упрекнуть; и его преосвященство епископ меня знает хорошо, и падре Антонио любит со мной беседовать. А сколько я пожертвовал и на церковь нашу святую, и на деток малых! Но вот, вчера поймал я на себе несколько недружелюбных взглядов. И всё было бы ничего, но ведь и руки люди прятали, избегая рукопожатий! Так всё было необычно, что пришлось мне вернуться под своды собора. Там уже стояли небольшими группами мои знакомые по делам совместным, тоже взволнованные, испуганные, и тоже ничего не могущие понять. У одного из них, Микеле..., ну, да ты всё равно его не знаешь!, была испачкана одежда – словно вывалялся он в грязи, а рукав его праздничной куртки был начисто оторван. Наконец, появился наш уважаемый падре Антонио и, странно спеша, не отвечая на вопросы, вывел всех нас какими-то пыльными коридорчиками на тихую улицу позади храма, суетливо благословил и велел оставаться дома до той поры, пока он сам нас не навестит. Всё это походило на сон, если бы не разорванная одежда Микеле и не гул голосов, доносившийся с площади перед собором.

Лоренцо перевёл дыхание, словно только что избегнул опасности. При других обстоятельствах выпитое вино давно бы сделало своё дело и отправился бы он спать, довольный и дружеской беседой, и собственной судьбой, но переживания последних часов лишили его всегдашней уверенности и покоя. Убедившись, что его внимательно слушают, он сделал ещё глоток и продолжил:

– Отправился я домой, как всем нам посоветовал падре, который вскоре меня и посетил собственной персоной. Что сказать? – вид у него был усталый, очевидно, я был не первый, к кому он сегодня наведался. Заметно было, что он спешит, я едва сумел усадить его за стол и заставил немного поесть. Вот тогда он и поведал мне коротко о происходящем, с трудом находя нужные слова. Никогда раньше я не видел на его лице столько растерянности – он напоминал только что проснувшегося, ещё не отошедшего от сна, человека, который не помнит своих планов на грядущий день. Что и говорить, зрелище было неприятное. Мало того, что я сам не получил никакого утешения и разъяснения по поводу событий сегодняшнего утра, было очевидно, что и сам утешитель нуждается в помощи. Что ж, кое-какой опыт по этой части у меня имелся! Перегнулся я через стол, и, чувствуя под рясой худенькие его плечи, хорошенько встряхнул, заглядывая в глаза. Видно было, что не готов падре к такому обращению, но опустошённость на его лице сменилась удивлением, и он обрёл дар осмысленной речи. Вот, что он тогда мне поведал:

– Довелось послушать мне вчера одного из братьев, много их здесь обретается... Знаю его давно, ну, как знаю?, не лично, конечно, а видел, что ходит за ним народ, и слушает. Опасаюсь я подобных речей – что и говорить, слова-то все такие страстные, и с каждым разом всё горячее становились. Это тоже смущало меня, вы знаете – я привык к тишине и чту красоты нашей традиции. Пусть синьор спросит меня о чём он говорит – я ведь сразу и не отвечу. Только переворачивается у меня всё внутри от страха грядущих перемен, к которым он нас призывает! Вам бы самому его послушать, а? Только осторожнее будьте, оденьтесь поскромнее, да и ступайте на площадь. Повторяю, платье Ваше не подойдёт для такой прогулки! Вспомните, как утром пострадал Микеле! Там, куда Вы пойдёте, теперь не жалуют красивых одежд, и, как я понял, ещё много чего не жалуют... Вот это-то и непонятно, а тайна всегда страшит.

И он ушёл. Долго ещё не находил я себе места, всё звучал у меня в ушах негромкий голос падре Антонио и виделся образ его, в смятении покидающего мой дом. Казалось бы, самое время заняться делами – пойти в контору и подобрать лекарства для приютов, расход учесть, дать работникам на завтра указания... Но, словно удар какой прервал течение моих обычных хлопот, и, в неприятном пребывая неведении, решил я навестить давнего своего товарища, он врач, думаю, ты помнишь его – Маттео Паничетти – я ему доверяю. Уже в дверях вдруг вспомнилось мне предупреждение падре, и я вернулся. Странно было облачаться в пыльные одежды, которые не носил уже лет пять. С тех пор денег у меня прибавилось и тех лет скромные наряды давно хранились в сундуках, и, вот ведь, сновагодились, хотя я немного и растолстел... Тем не менее, на улице я не слишком выделялся в толпе и добрался до дома Паничетти без приключений. Там не сразу поняли кто я такой и не хотели впускать, но, когда сам Маттео меня, наконец, признал, оказался я в тёплой, большой комнате у очага с раскалёнными угольями, переливающимися то тёмно-красным, то алым цветом. Хозяин осмотрел меня с головы до ног, молчал, о чём-то думал. Я ожидал дружеской насмешки (мы любили подшучивать друг над другом), но на этот раз был мой друг серьёзен, указал мне на кресло – видимо, он сам любил в нём сидеть – и, подойдя к окну, проверил, хорошо ли закрыты ставни. Затем, обернувшись, сказал вот что:

– Эти Медичи! Никогда такого не было на моей памяти, чтобы в городе нашем царил хаос. Пьетро ди Лоренцо – жалкое подобие своего великого отца! Это надо же, так испугаться французов, отдать им без боя Пизу и пропустить их дальше через наши земли, чтобы они хорошо погуляли и в Сиене, и в Перудже! Так, глядишь, они и его Святейшество Папу поприветствуют в Риме... А ты чего так вырядился? На карнавал собрался? А-а, уже знаешь... Вот и я в недоумении, хотя недавно уже пытался послушать этого...как его? – брата Джироламо Савонаролу. Слушай, пойдём завтра утром вместе на площадь! Говорят, он там каждый день к народу обращается, и его приветствуют! Ведь, что бы не говорили, нужно своё мнение сделать. Согласен?

И мы договорились встретиться на площади перед собором.

– Ты слушаешь меня, Алессандро? Вот тебе мой рассказ, не подумай, что это я спьяну, хотя, сказать честно, так оно и есть. Денёк выдался холодный, и ты хорошо сделал, что посадил меня поближе к огню; и вино твоё, и беседа сделали своё дело – я почти согрелся и душой, и телом... Странно, но какая-то непонятная дрожь всё же одолевает меня как бы волнами. Думаю, что причиной здесь вовсе не холод за окном, а то, что всё звучит в ушах, услышанный утром, голос удивительного монаха, его страстные, всепроникающие слова. Да, он заставляет думать и сомневаться... А понимаешь ли ты, в чём приходится сомневаться? Если бы кому-нибудь привелось сказать об этом вслух ещё несколько месяцев назад, то где бы человек оказался? Правильно, перед судом! И осуждён был бы, и ничто бы ему не помогло. Сейчас же другое дело! Дошло до того, что широким жестом указано им было в сторону Рима, и при этом не разверзлась земля, а только народ прибывал и прибывал на площадь послушать смелые речи. Ты спрашиваешь, где же духовенство и стражи порядка? Да здесь же – стояли и слушали, открыв рот! На лицах у них, конечно, разное можно было прочесть. Кто-то в испуге умолк, а иной словно заново родился – светлел ликом, радостно головой кивал... В толпе же, непривычные к такого рода речам, люди переглядывались, путаясь в собственных мыслях, но не было сил уйти прочь. И как тут уйдёшь, если слышишь, что говорят, словно о тебе самом?

2.

Разговор с приятелем художника взволновал. Весь следующий день он боролся с искушением пойти и самому послушать странные, привлекающие столько людей, проповеди красноречивого монаха. Он даже пытался вообразить себе как тот выглядит: представлялся человек мощный, которому, больше чем ряса, подошли бы железные доспехи. Огненный взор его и громоподобный голос повергали, в его воображении, слушателей в дрожь, не хватало только молний с небес..., и получилось так, что придуманный яркий образ не оставил Сандро Боттичелли выбора – решено было пойти и самому проверить свои догадки. И вот, январским утром отправился мастер на площадь Синьории, где, как говорят, чаще всего видели брата Джироламо из монастыря Сан-Марко – имя бесстрашного обличителя несправедливости было у всех на устах – и которого многие уже называли праведником. Одеться подобающим образом он, конечно, забыл и припомнился ему совет друга Лоренцо только в момент, когда брошенный кем-то ком земли пребольно ударил его в спину. Пришлось спешно вернуться, хорошо, что не так далеко он успел отойти от дома. Там он долго сидел на лавке в раздумьях. Спину всё больше саднило, но досада, упрямство и любопытство своё дело сделали. Не найдя в сундуках ничего подходящего для необычной прогулки – вся одежда там была достойна лишь того, чтобы пойти в ней на встречу к господам знатнейшим, – Боттичелли отправился на конюшню. В полумраке, у старых деревянных стойл слышно было, как шумно вздыхают лошади, разглядывая, побеспокоившего их, человека. Работник, трудившийся там, не сразу понял, что хочет от него хозяин, но в итоге, притворив за собой тяжёлую дверь, Боттичелли вскоре вышел на улицу в одеждах весьма бедных, закутавшись в ветхий плащ и надвинув на глаза войлочную шляпу. Ни дать, ни взять – заблудившийся в большом городе, крестьянин. С опаской пройдя мимо группы молодых людей, ещё недавно едва не прибивших его камнем, а сейчас о чём-то спорящих и не обративших на него никакого внимания, поспешил Сандро Боттичелли на площадь перед собором.

Против ожидания, не так уж много людей увидел он там. Тот, кого он искал, видимо ещё не появился, и художник, привычно подмечая детали, стал с интересом рассматривать окружающих.

– Что, думаешь, не узнаю? – знакомый голос отвлёк его от созерцания пожилой пары, куда-то спешащей и старательно обходящей неглубокие лужи. Наблюдения были важной частью его жизни, ничуть не меньшей, чем та, в которой он брал в руки кисти и улетал в своих

мыслях за облака. Пресекающих этот полёт он всегда бесцеремонно выпроваживал из мастерской. Сейчас же, находясь вне дома, да ещё инкогнито, он лишь поморщился и обернулся к обратившемуся к нему человеку. Лоренцо Дзаппа! – мудрено было его узнать в каком-то равном балахоне, значит, и он решил ещё раз рассмотреть, а скорее – послушать таинственного проповедника. Со смехом Дзаппа обратился к Боттичелли:

– Одет ты со вкусом, сразу видно – не поскупился на одежду. Что же ты про обувь забыл? Такую в деревнях не носят!

– Действительно... – художник хотел чертыхнуться, но вспомнив, что стоит он на паперти собора, осёкся. Осмотрев бегло наряд приятеля и не найдя ни одного изъяна, прикусил язык, и прекратил шутки:

– Ты прав, конечно, мой друг. Давай, всё же, не будем стоять на виду. Уж коли мы здесь оказались, и оба знаем для чего – доведём дело до конца, себя не выдав. Посмеёмся потом, будет, что вспомнить. А что, долго ты искал во что одеться? Я, например,...

– Тс-с! – оборвал его Лоренцо. Он указывал глазами куда-то в дальний конец площади и Боттичелли, обернувшись, увидел, как большая толпа, словно река, вырываясь из узкой улицы, заполняет площадь. Становилось шумно. Бегали мальчишки, что-то отнимая друг у друга; пожилая пара – та самая, которой художник любовался ещё совсем недавно, теперь стояла посреди большой лужи, не замечая того и сложив молитвенно руки. В середине людского водоворота что-то происходило, что-то выдающееся и ранее невиданное. Иначе почему он видит, что некоторые становятся на колени? И кто эти несчастные, исторгнутые толпой, упавшие и оставшиеся неподвижно лежать, и которым никто не помогает? Почему плачут женщины, но не так плачут, словно кого-то хоронят, а наоборот, как будто от счастья? Обернувшись к Лоренцо, художник увидел как сдвинулись его брови, прищурились глаза и приоткрылся рот. Наклоняя голову то вправо, то влево, Дзаппа, утверждавший накануне, что уже видел здесь подобное, имел вид человека, вновь пытающегося понять, где же обман. Боттичелли тронул его за рукав:

– Что-то странное происходит, не находишь? Мне как-то не по себе... Эта река вскоре докатится и до нас. Пойдём домой, не нужно нам здесь оставаться.

И они, надвинув на глаза старые шляпы, направились к дому синьора Дзаппа, благо он был совсем недалеко. А навстречу им спешили на площадь люди со счастливыми лицами, и мелькнула у художника сумасшедшая мысль, что, наверное, также шёл народ встречать Спасителя, входящего в Иерусалим. И столь живо ему это представилось, что, отгоняя видение, замотал головой Алессандро Боттичелли, и вот так, трясаясь, словно больной, перешагнул он через спасительный порог. Едва закрылась за ними дверь, как грузный Лоренцо, тяжело дыша, уселся на колченогий стул и виновато посмотрел на приятеля:

– Хорошо, что ты увёл меня оттуда. Я бы этого не выдержал, не осуждай меня. Слаб я духом, вот что я тебе скажу. Это ведь не хвори лечить или купола расписывать, это другое... Не кажется тебе, что нужно упрятать наше богатое платье в сундуки и отныне одеваться поскромнее, а, Сандро? У меня сейчас ощущение ночного кошмара, но ведь ты тоже это видел! Как это понимать и что с этим делать?

– Не переживай, Лоренцо, мы оба бежали, смалодушничали, это нужно признать. Но чтобы всё понять, нужно набраться смелости ещё раз туда пойти и послушать. Ведь не зря народ так туда стремится. Что, не пойдёшь? Тогда я один, но не теперь – сегодня я струсил...

3.

Давно не было такого тумана. Город медленно проступал сквозь белесую дымку, на площадях понемногу оживала торговля. Художнику, прожившему здесь всю жизнь, был знаком голос каждого из колоколов, тоже пробуждавшихся для своей каждодневной работы, и вдруг подумалось Боттичелли дать им собственные имена. Улыбнувшись такой идее, он не спешил подниматься с постели. Свой дом он любил, даже беспорядок в комнатах был ему мил. Вот

большой и красивый стол, совсем недавно сработанный для него известным мастером, на нём большие и малые листы – на них строки и рисунки... А рядом – удобное кресло, в котором приятно думать и о прожитых днях, и о днях грядущих, и где так удобно перечитывать старые письма или, пережидая непогоду, рисовать по памяти, дорогой на все времена, лик... О, Симонетта! Уже почти четверть века, как отлетела на небеса душа твоя, а он, теперь такой старый и неуклюжий, всё томится по тебе, и его глупое сердце не хочет отпустить твой светлый образ. Линии лёгкие, штрихи незаметные, полутени воздушные... Рисунок за рисунком, как год за годом. Не стареет воспоминание, оживают глаза и губы, слышится запах волос и тихий шёпот... Боттичелли очнулся от своей сладостной муки, открыл глаза. Через открытую дверь он видел соседнюю комнату, большую и светлую, именно там он становился кем-то иным, непонятным самому себе, страшным и прекрасным инструментом в руках, которые в своё время сотворили и небо, и землю. Чтобы идти в мастерскую каждый раз нужно было делать усилие, успокаивать дыхание, уговаривать сердце не трепетать так сильно. А войдя под высокие своды, почувствовать облегчение от обрётённого вновь дара речи, прозрения и смутного понимания сути вещей. Это было ещё не блаженство, оно наступало позже, когда чувствовалось, что обладает он своим даром вполне и уже ничего больше не требуется от него самого, ибо водила его рукой неведомая сила. Едва переступал он этот порог, как сразу слышались ему разговоры и споры. Приходилось мирить поссорившиеся краски, успокаивать проголодавшиеся кисти, а затем – хорошо, что это никто не видел – приносить себя в жертву своему прекрасному делу, забывая об отдыхе и слушая лишь, доносящееся откуда-то с небес, пение. Вот и сегодня, он намеревался войти туда прямо сейчас, уже чувствуя необычную дрожь в руках от предвкушения прикосновений к неоконченной картине, смиренно ожидавшей его здесь каждое утро. Уже поздоровавшись со своими кистями и красками, уже сняв и отбросив прочь старое полотно, прикрывавшее его работу, он внезапно остановился. Мысль о том, что нужно обязательно идти на площадь и там встретиться с чем-то непонятным, его испугала. Как же так? Здесь всё так хорошо устроено, тепло и безопасно, здесь пахнет домом, здесь друзья – книги, холсты и краски, а там? Там же – туман и холод, и почти ничего не видно в этом тумане, и люди как тени, и звучат страстные, как говорят, речи неизвестного человека, которого, по слухам, не жалует ни падре Антонио, ни сам епископ.

– А вдруг он скажет что-то такое, чего я не пойму, или, что хуже, истолкую превратно? И тогда конец устоявшимся привычкам, руки будут дрожать от сделанных открытий, и не смогу я тогда провести даже тонкую линию. Да, такое возможно, но ведь может случиться и наоборот – ничего страшного не произойдёт, и слова монаха не окажутся для меня роковыми? Но может случиться и иное – вернусь я оттуда окрепший духом и сотворю с Божьей помощью новую картину, невиданную по мощи и красоте? Кроме того, не я ли сам убеждал вчера друга Лоренцо, что наберусь смелости и этим утром непременно пойду на площадь слушать странную проповедь? Поэтому, оденься поскромнее и ступай!

Боттичелли быстро продрог, слоняясь по площади из конца в конец. Какой-то человек, по виду – бывший стражник, а сейчас, судя по всему, бродяга, указал ему место, откуда, по его словам, лучше всего видно и слышно брата Джироламо – чуть в стороне, но зато на четвёртой по счёту ступени соборной паперти:

– Здесь и стойте, папаша! Ручаюсь, что рассмотрите всё в лучшем виде. Я как увидел его третьего дня, так и хожу с тех пор слушать. Так мне делается хорошо от его речей – словно умывает кто моё лицо, и становлюсь я лучше, и воровать (он заговорил шёпотом) в те дни я совсем перестал! Это уж сейчас нужда заставила снова согрешить... Ну, наконец-то, смотри, вот он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.